

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Александр Яковлев

ТРИ СТОЛЕТИЯ
РЕФОРМ И РЕВОЛЮЦИЙ
В РОССИИ

Русская история (Вече)

Александр Яковлев

**Три столетия реформ
и революций в России**

«ВЕЧЕ»

2020

Яковлев А. И.

Три столетия реформ и революций в России / А. И. Яковлев —
«ВЕЧЕ», 2020 — (Русская история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8229-8

Книга рассказывает об истории России, но не в привычном школьном понимании последовательного изложения войн, восстаний, роста ВВП, смены царей, императоров и президентов. Речь пойдет о нескольких периодах в истории нашей страны, когда социально-экономическое развитие в ней небывало ускорялось и вся жизнь приобретала новое качество. Рассматриваются периоды особого напряжения всех сил власти и народа в трех столетиях истории России, Российской империи и Российского государства, сохранившего характер империи, в XVIII, XIX и XX веках.

ISBN 978-5-4484-8229-8

© Яковлев А. И., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Введение	6
Вступление общее	8
Глава 1. На пути преобразований. Реформы в России в XVIII – первой половине XIX в.	12
Вступление к главе 1	12
От Руси к России	14
Реформы царя Петра: цели и результаты	17
Императрица Екатерина Великая: победы и проблемы	23
Рост и развитие екатерининской России	27
Русский народ и русское общество	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Иванович Яковлев

Три столетия реформ и революций в России

© Яковлев А.И., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Введение

Уважаемый читатель, в книге, которую вы взяли в руки, повествуется об истории России, но не в привычном школьном понимании последовательного изложения войн, восстаний, роста ВВП, смены царей, императоров и президентов. Речь пойдет о нескольких периодах в истории нашей страны, когда социально-экономическое развитие в ней небывало ускорялось и вся жизнь приобретала новое качество. Этот скачок в развитии в книге называется *модернизацией*.

Модернизация не есть особенность нашего Отечества, ее можно увидеть в истории многих стран и Запада, и Востока. Когда перед нами в истории нескольких стран вырисовываются важные изменения, приводящие к сходным результатам, необходимо разглядеть, каковы были в прошлом параметры и процесс изменений, приводившие к явлениям того же порядка на нашей земле.

История России есть часть всемирной истории, но в нашем отечестве, призванном к имперской судьбе, с его громадной территорией и трагической историей, многие явления общественной жизни протекали иначе, чем в Европе и в Азии. Современный мир возник у нас позднее и сложнее, чем в европейских странах, общих нам по христианской вере и европейской культуре, и та модель современного общества, которая сформировалась в России в XX в., во многом отличается от западной (европейской) модели. Почему это произошло? Почему реформы и революции в России привели к иному результату, чем в странах Западной Европы, послуживших нормативными образцами для нашего развития?

В поисках ответов на эти вопросы возникло две точки зрения: Россия не способна к полноценной модернизации и навечно обречена оставаться полусовременной страной, и другая – Россия в силу своих цивилизационных особенностей развивается по иной модели, подобно иным незападным странам – Японии, Китаю, Индии. В книге предложено развернутое объяснение второй точки зрения в совокупности природно-географических условий, исторических особенностей, менталитета многонационального населения России, личностных характеристик правителей и положения страны в мировом сообществе.

Из тысячелетней истории России в книге рассматриваются три столетия, наиболее близкие к нам, – тогда началось формирование нашего современного мира, той русской идеи, тех систем ценностей, того уклада жизни и государственности, которые давно являются привычными для нескольких поколений русских людей.

Ранее автору довелось написать немало научных книг и статей о модернизации, реформах и революциях в странах Востока и Запада, некоторые мои работы посвящены и нашей истории XIX–XX вв. И когда в издательстве мне предложили сделать отдельную книгу о реформах и революциях в России, я удивился, как это мне самому не пришло в голову. Так возникла идея этой книги. В ней я отчасти использовал материалы предыдущих своих публикаций и лекций, которые два десятилетия читаю студентам, но многое было написано заново с учетом десятков новых и интересных работ отечественных и иностранных историков, а также публикаций архивных материалов.

В книгу включены выдержки из поэтических произведений нескольких русских поэтов. Полагаю, что такой живой, непосредственный отклик современника на события модернизации поможет читателю полнее ощутить дух тех далеких лет.

Итак, в трех столетиях истории России, Российской империи и Российского государства, сохранившего характер империи, – XVIII, XIX и XX – рассматриваются периоды особого напряжения всех сил власти и народа. Поэтому книга разделена на главы не по хронологическому принципу, а по этапам длительного процесса модернизации, в котором чередовались друг с другом революции и реформы. Каждой главе предпослано Вступление, в котором предложена краткая характеристика определенного этапа модернизации, а всему изложению –

Вступление общее, содержащее теоретическое объяснение процесса модернизации, его отдельных структур и свойств. Впрочем, любители исторической фактуры, интересующие ответом на вопрос «что было?», могут пропустить эти страницы. Тем, кто хочет узнать мой ответ на вопрос «почему так было?», стоит их прочитать.

С искренней признательностью выражаю благодарность моим друзьям, поддержавшим работу над книгой и высказавшим полезные советы и критические замечания.

Вступление общее

Модернизация – не просто эволюционное развитие общества, но развитие ускоренное, целенаправленное, начинаемое по воле власти в условиях кризиса национального масштаба для совершения качественного скачка во всем состоянии общества и сокращения разрыва с более развитыми странами. Все страны когда-нибудь переживали эти непростые периоды, но происходил переход от старого к новому по-разному – в виде революции или в виде реформы.

Революция политическая – это насильственный переворот в общественно-политической жизни, совершаемый определенной политической силой для утверждения своего господства в обществе, создания нового общественного строя, вслед за чем происходят изменения в экономической, социальной и культурной жизни общества.

Напротив, *реформа* – это переворот в жизни общества, совершаемый законной властью (которая может использовать и насильственные методы) для выхода из кризиса национального масштаба путем проведения коренных социально-экономических реформ по образцу тех стран, где уже возник новый строй и достигнут более высокий уровень экономической и социальной жизни.

Объектом рассмотрения в книге является не вообще модернизация, а процесс формирования современного (капиталистического, индустриального, буржуазного) общества, который протекал в Европе с XVII–XVIII вв., а в XVIII–XIX вв. разворачивался в России.

Почему при этом нельзя обойтись без революций и реформ, а просто жить себе и жить? Частный человек как раз и стремится тихо и спокойно прожить свои 70–80 лет. Но общество, общественно-производственный организм – это более масштабная, протяженная в пространстве и времени структура, у нее свои сроки существования в досовременном и современном состоянии.

Для более полного понимания такого рода явлений стоит рассматривать общество в двух измерениях: цивилизационном и формационном. *Цивилизация* – это сочетание устойчивых природно-географических, демографических и социально-культурных структур, включая религию, системы ценностей и идеалов, нормы поведения и морали, возникших в ходе длительного исторического развития и передающихся от поколения к поколению. *Формация* – это особый, ограниченный во временном плане исторический этап развития общества, сочетающий совокупность уровней хозяйственного, социального, политического и культурного развития.

В каждом конкретном обществе в силу его географического положения, цивилизационных качеств и исторического наследия формируются национальное хозяйство, социальные и государственные структуры, духовная и бытовая культура. Но как в человеческой жизни период детства переходит в период отрочества, а потом – юношества, молодости и зрелости, так постепенно меняется органическое состояние общественного организма. По мере исчерпания имеющегося потенциала и в силу постепенного формирования в нем отдельных элементов и структур нового потенциала общество обретает новое качество. Переход в это новое качество собственно и есть модернизация.

Переход этот не означает для общества разрыва с цивилизационными основами, которые сохраняются, придавая специфические черты новой формации (как и дети наследуют черты своих родителей). В то же время великие революции, такие как французская 1789 г. и русская 1917 г., стали попыткой разрыва не только со старой формацией, но и с традиционными основами цивилизации, системой ценностей и нормами морали. Французский философ А. де Токвиль писал о Великой французской революции как о «чудовище»: «Разрушив политические учреждения, революция упраздняет гражданские институты, вслед за законами меняет нравы, обычаи и даже язык; разрушив механизм управления, она сдвигает с места основы

общества и, кажется, в конце концов хочет приняться за самого Господа Бога», порождая «страсть безбожия». В своих размышлениях о двух великих революциях А.И. Солженицын отмечал черты их сходства: «Обе они проявились как революции идеологические... обе они имели столетнюю подготовку в просвещении, философии, публицистике. В обоих случаях у трона не было никакой развитой политической доктрины и еще меньше – способности активно распространять в народе свои убеждения». Наконец, «по взрывчатости идей, по широте взятых задач – обе революции с самого начала являются феноменом международным: «освободить человечество», преобразовать не только свою страну, но весь мир».

«Революция, – писал П.А. Сорокин, – это прежде всего определенное изменение поведения членов общества... их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок...» Такого рода «революционное помрачение умов» в России пришлось пережить в 1917 г. и в 1991 г. Между тем к событиям нашей давней и недавней истории на удивление применима описанная де Токвилем в 1856 г. «морфология революции», ведь после французской и русская революция обрела «этот вид религиозной революции, который так ужасал современников; или, скорее, сама стала своего рода новой религией, правда, религией несовершенной, без Бога, без культа и без иной жизни, но которая, тем не менее, подобно исламу, наводнила всю землю своими воителями, апостолами и мучениками».

«Явления революции чрезвычайно эффектны, экзотичны и романтичны», – отмечал П.А. Сорокин. В отличие от них эволюционный процесс формационного перехода прозаичен, а также труден и сложен потому, что общество не едино, в нем велика сила инерции, немалая часть его страшится потерять уже обретенные привилегии или просто приличные условия существования. Ремонт в квартире мы подчас оттягиваем до последнего, а что уж говорить о «капитальном ремонте» в масштабах страны? Именно поэтому появляется партия, активная часть общества, решительно желающая перемен и готовая их проводить – путем политической революции.

Так, великие революции в Англии и Франции, а также в Нидерландах и Северной Америке создали к XVIII в. модель нового общества – капиталистического, индустриального, буржуазного, современного, а в последующем завершали его построение путем реформ. Очевидными показателями этого общества стали в экономике – господство промышленного производства, в социальных отношениях – равенство возможностей помимо социального происхождения, в политической сфере – принципы демократизма, свободы слова и совести, разделение ветвей власти, в духовной сфере – господство принципов рационализма, утилитаризма и маргинализация религиозной жизни.

Но Россия, в Европе – Германия, Италия или в Азии – Япония к тому времени уже изживали потенциал досовременного общества, а ростки нового были слабы. Кризис в хозяйственной жизни, волнения в социальной жизни, конфликты в политике нарастали, перерастая в кризис национального масштаба, охватывающий все сферы жизни общества. Неразумные и недальновидные правители силой подавляли несогласных, стремясь во всем сохранить существующий порядок. Это удавалось до поры до времени, но заканчивалось революцией. А разумные и дальновидные правители, зная о достижениях стран «первого эшелона» капиталистического развития, в целях самосохранения решались в XVIII–XIX вв. на качественные преобразования, имея в виду модель европейских стран. Это можно назвать *догоняющей модернизацией*, проводимой путем комплексных реформ всей системы общества.

Итак, субъектом процесса реформ является власть, использующая возможности государства, иначе говоря, реформы всегда легитимны. Как правило, реформы проводит *авторитарная власть*, ибо сила нужна для подавления противников реформ и для концентрации ресурсов на главных направлениях преобразований. Однако элемент насилия в реформах минимален, в отличие от революции, для которой насилие остается главным инструментом.

Объектом реформ является все общество, в каждой части которого рано или поздно, так или иначе, более или менее (путем *синтеза* или *симбиоза* старых и новых начал) происходит усвоение нового порядка и норм жизни (или их *отторжение*), а в случае революции – насильственное насаждение новых норм и правил.

Важную роль при этом играет *внешний фактор* – Запад. Его роль не ограничивается демонстрацией модели нового строя. В рамках мировой системы Запад стремился к своему развитию за счет более отсталых стран, пытаясь их подчинить или поставить в зависимое положение, такая мировая иерархия было определена И. Валлерстайном как мировая система *центр-периферия*. На этот вызов приходилось отвечать.

В России коренные реформы начинались Петром I и Александром II после военных поражений от более развитых европейских стран, Швеции и Англии с Францией, ведь армия – всегда слепок с общества и поражение армии есть поражение всего общества, оказавшегося слабым. Так война оказывалась ускорителем реформ, технического и социально-экономического развития.

В России реформы, как правило, оказывались *запаздывающими*, власть санкционировала те новации, которые уже входили в жизнь общества или к которым общество было готово, в то время как на Западе власть проводила реформы *упреждающие*.

Выбирая между реформами *охранительными*, сохраняющими основы традиционной культуры, и *преобразующими*, решительно заменяющими традиционные основы на заимствованные новые в сфере экономики, художественной и бытовой культуры, царская власть действовала по-разному, немалую роль играла личность реформатора: Петр ломал, решительно преобразовывал старый уклад жизни, но его наследники проводили уже охранительные перемены, сохраняя элементы и структуры старой системы.

Цели реформ менялись и уточнялись властью в ходе проведения преобразований. Это нам сейчас просто указать на главное и не главное, важное и не важное, а для самих реформаторов такой ясности быть не могло. Ведь все мы живем и действуем исходя из конкретной ситуации, необходимости решения первоочередных вопросов, какими мы их видим сейчас. Так вот и великие реформаторы, императоры Петр I и Александр II, первой своей задачей ставили создание сильной армии (*реформу внутри системы*), а в процессе подготовки военной реформы оказалось необходимым провести и иные, более масштабные перемены (*реформу системы*), на что Петр, в отличие от своего потомка, не решился. Таким образом, субъективные цели реформатора и объективные результаты его деятельности могут различаться.

В случае с революцией расхождение еще большее, отмечал в 1923 г. П.А. Сорокин, поскольку революции – «плохой метод улучшения материального и духовного благосостояния масс. Обещая на словах множество великих ценностей, на деле, фактически, они приводят к противоположным результатам. Не социализируют, а биологизируют людей, не увеличивают, а уменьшают сумму свобод, не улучшают, а ухудшают материальное и духовное состояние трудовых и низших масс населения, не раскрепощают, а закрепощают их...». Напротив, реформы не насилуют человеческую природу, считаются с реальными условиями жизни и уровнем сознания населения, создавая условия и возможности для улучшения материального и духовного благосостояния широких народных масс.

Преобразования в общественной жизни путем проведения властью реформ проходят с минимальным элементом насилия, постепенно, этап за этапом, благодаря чему со временем формируется новое качество общества.

Первым этапом реформ становится осознание властью и обществом глубины переживаемого кризиса. Как правило, власть пытается путем проведения частичных преобразований (*фрагментарных реформ*) в одной из сфер общественной жизни (военное дело, финансы) разрешить кризис, но это не получается. На *втором этапе* реформ происходит борьба в правящих и господствующих слоях (элите) общества, в ходе которой лидер-реформатор подавляет

противников преобразований, определяет цели и программу *реформы системы*, обеспечивает внутреннюю и внешнюю опору для перемен, создает правовые основы нового строя. *Третий этап* – самый трудный и длительный, его содержание составляют формирование и развитие новых производственных мощностей в хозяйстве, возникновение новых социальных сил и отношений в обществе. В силу масштабов и сложности этих процессов, воздействия на них субъективных и объективных факторов, а также внешних условий они могут слабеть и ускоряться, откатываться назад и возобновляться. На *четвертом этапе* «революции сверху» после прохождения волн социально-экономических перемен и обретения большей частью общества нового качества, большей степени социальной зрелости власть приводит политическую систему общества в соответствие с изменившейся социальной структурой, новым уровнем политической и общей культуры общества.

Реформа – не волшебная палочка. В реальной жизни приведенная схема многократно усложняется. В России игра в слова «реформы», «модернизация», «социализм», «капитализм», «рынок», «перестройка», «ускорение», как убедились несколько поколений, дело опасное и напрасное. Увлеченность ломкой экономических и государственных структур ведет к катастрофе. Однако и страх власти перед реформами или их подмена «псевдореформами», усугубляют кризис и затрудняют его последующее разрешение. В общем, модернизация общества путем реформ – процесс длительный и трудный, затрагивающий в конечном счете интересы всех и каждого.

Власть, начиная *реформу системы*, должна при поддержке общества одновременно обеспечивать три процесса: *выход из кризиса, поддержание нормальных условий жизни и проведение собственно преобразований*. Это трудно. Альтернативой является полусытое прозябание и превращение в слабую периферию мировой системы.

Попробуем понять, как делали свой выбор наши предки, наши деды и отцы.

Глава 1. На пути преобразований. Реформы в России в XVIII – первой половине XIX в.

Вступление к главе 1

Природно-географические параметры, как объективная и устойчивая реальность, создают те условия развития общества и государства, в которых они могут существовать и развиваться. В XVIII в. Россия обладала огромной территорией на трех континентах, что, с одной стороны, позволяло использовать неисчерпаемые природные ресурсы, а с другой – усиливало экстенсивный тип хозяйствования. В экономической жизни европейских стран сочетались интенсивные методы внутри национального капиталистического хозяйства и экстенсивные методы – в азиатских колониях, служивших источниками ресурсов. Часто забывается то обстоятельство, что Россия – северная страна и как раз Петровская эпоха оказалась веком лютых морозов. В XVIII в. уровень урожайности зерновых (по оценке) был у нас примерно вдвое меньше, чем в странах Западной Европы, и вчетверо меньше, чем в Китае и Индии. Объем ВВП на душу населения в России был в 1,5–2,0 раза меньше, чем в странах Западной Европы, и в 1,5 раза меньше, чем в Китае и Индии. Доля городского населения составляла у нас около 5 %, в крупных странах Запада и Востока – 10–15 %. Ограниченность выходов на мировой рынок (единственный до Петра торговый порт – Архангельск) определила меньшую, чем на Западе, активность внешних торговых связей и более позднее возникновение финансовых учреждений (первые банки появились в Неаполе, Амстердаме и Лондоне в XVI–XVII вв.).

К этому времени определились цивилизационные особенности России, принадлежащей к христианскому миру и европейской культуре, но в силу исторических обстоятельств оказавшейся почти изолированной от источников христианского и античного наследия в связи с падением в 1453 г. Византийской империи и конфликтами с ведущими европейскими государствами, а также включением в состав империи десятков народов с иным цивилизационным наследием. Скрытый конфликт между сторонниками европейского и самобытного путей развития проявился в Смутное время, но стал стержнем общественной мысли в Новое время, начиная с Петровской эпохи. В Европе XVIII в. стал рубежом разрыва с прошлым, с традицией, с христианской системой ценностей, замещаемой светской, буржуазной системой ценностей эпохи Просвещения. Этого не произошло в России в целом, но сходные процессы определили формирование самой активной, образованной и вестернизированной части народа – дворянства, а позднее разночинцев. Петр также усилил процессы огосударствления православной церкви (по западной модели), отходя от традиционного курса на служение государства Церкви и ее целям.

Важной и характерной чертой общественного развития Руси и России стали иные, чем на Западе, отношения государства и народа. С одной стороны, объективные условия – величина территории и внешние угрозы – требовали существования сильного государства. По словам Екатерины II, «Российская империя есть столь обширна, что кроме самодержавного государя всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочие медлительнее в исполнениях...». Сложившаяся в силу объективных условий *имперскость* России должна была поддерживаться государством, имперские интересы которого неизбежно выходили за рамки национальных границ. Империя – не просто государство с большой территорией и населением, имеющее монархическую форму государственности, сильную армию и централизованное управление. Империя подразумевает наличие имперской идеи, реализующейся как в территориальной экспансии, так и в экспансии определенной системы ценностей. Империя всегда играет заметную

роль в региональной и мировой системах международных отношений, становясь центром притяжения одних и сдерживания других государств. Таким стало Русское государство в начале XVIII в., обретя статус великой державы.

С другой стороны, возможности ухода или отгораживания от государства в крестьянской общине создали основы для иной, чем в европейских странах, политической культуры. Город не смог стать центром общественного развития, как это случилось на Западе. Из около 40 млн человек, составлявших население империи в царствование Екатерины, лишь 6 % проживало в городах и городках.

В Англии в 1215 г. была принята Великая хартия вольностей, суть которой состояла в общем для всех равенстве перед законом (что было утверждено окончательно в 1640–1660 гг. в ходе Великой английской буржуазной революции). На Руси на смену Русской Правде Ярослава Мудрого, принятой в том же XIII в., ничего нового не пришло до середины XIX в., до появления николаевского Свода законов Российской империи. Так, в русской политической культуре, не прошедшей рубеж секуляризации, странно сочетались терпение, покорность власти и взрывная готовность к бунту.

В то же время процессы экономического развития в России имели тот же характер, что и в европейских странах, хотя и протекали более замедленно. Русь издавна была связана с Европой. В ходе торговых сделок русское купечество приобретало капитал, опыт и знания. Но в Европе частные финансовые учреждения для предоставления кредита появляются в начале XV в. в Венеции, Генуе, Флоренции, Амстердаме, в 1694 г. создан государственный Английский банк. К началу XVIII в. «в пределах четырехугольника Амстердам – Лондон – Париж – Женева восстанавливается на высшем уровне торговой деятельности эффективное главенство банков», – отмечал французский историк Ф. Бродель. Первое банковское учреждение в России – Дворянский банк – было создано лишь в мае 1754 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны.

Наконец, нельзя не сказать и об образовании, ибо качество народонаселения во многом определяет успех или неуспех модернизации. К концу XVIII в. уровень грамотности в России оставался на уровне 2–6 % среди женщин и 4–8 % среди мужского населения, уступая показателям по западноевропейским странам в 8–10 раз и по Китаю и Японии – в 3–5 раз. Московский университет был создан в 1755 г., но к этому времени в Европе возникла сеть университетов: Болонья (1158 г.), Париж (1215 г.), Кембридж и Оксфорд (около 1200 г.), Прага (1348 г.), Краков (1364 г.), Вена (1365 г.), Гейдельберг (1386 г.) и т. п. По замечанию Н.Я. Эйдельмана, «два полюса – «рабство» и «просвещение» – после «петровского взрыва» резко отодвигаются друг от друга на большое социальное расстояние, и притом друг другу «как бы не мешают». Для русского крестьянина в Петровскую эпоху эти полюса совмещались в созданном волею Петра «просвещенном крепостничестве».

Конечно же, реформы надо было проводить, уродливый *симбиоз* старого и нового превратить в их гармоничный *синтез*, чтобы ликвидировать отставание от Европы, создать возможности для раскрытия потенциала России и «очаговое развитие» современного уклада сделать более широким. Однако верхушечный характер Петровской *реформы внутри системы* виден не только в ограниченности достижений в хозяйстве или образовании, но прежде всего в возможности торможения реформ или отката назад. Преодолеть рубеж кризиса на смогли наследники Петра Великого. Весь этот полуторазековой период русской истории можно отнести к первому и второму этапам *реформы системы*, которой суждено было начаться лишь в середине XIX в.

От Руси к России

При рассмотрении реформ в России в Новое время обыкновенно их отсчет ведут от Петра I Великого (1672–1725 гг., правил с 1682 г. как русский царь, с 1721 г. – как российский император), вошедшего в историю с почетным именем *реформатора*. И в самом деле, с Петра начинается летоисчисление от Рождества Христова, а не от Сотворения мира, а начало года – от 1 января, а не от 1 сентября. Петром введены в обиход русской жизни европейская одежда, гражданский шрифт, кофе, картофель, газеты, светские учебные заведения, музей, ботанический сад и многое другое, небывалое ранее. Так действительно ли Петр – создатель современной России из ничего? И да и нет.

Некоторые материальные и идеологические основания будущих перемен были подготовлены еще в XVII в. усилиями сподвижников его отца, «тишайшего» царя Алексея Михайловича (1629–1676 гг., правил в 1645–1676 гг.) – боярином Ф.М. Ртищевым (1626–1673 гг.) и А.Л. Ординым-Нащокиным (1605–1680 гг.). В то время огромное государство еще более расширило свои границы, приобретая в Сибири новые территории, ресурсы и народонаселение. Началось формирование национального рынка, происходило превращение городского ремесла в мелкое товарное производство, появились первые мануфактуры, первые металлургические заводы.

Москва не только укрепила свое положение в качестве центра страны, но московский государь усилил свою власть путем издания Соборного уложения 1649 г., создав централизованный аппарат управления и закрепив самодержавный характер высшей власти в России. С.М. Соловьев так объясняет это: «В обществах, подобных русскому XVII века, в обществах, слабых внутренно, всего крепче вера во внешнюю силу. Правительство распоряжается всем, может все сделать».

В 1652 г. была установлена государственная монополия на торговлю «хлебным вином»; Торговый устав 1653 г. унифицировал таможенное обложение, а устав 1667 г. ограничивал для иностранных купцов свободу торговли внутри России. В Москве при Андреевском монастыре Ртищев в 1667 г. организовал при содействии киевских ученых монахов школу («гимнасион»), ставшую предшественницей Славяно-греко-латинской академии; в некоторых городах появились приходские школы. По инициативе Ртищева расширялась система медицинских и благотворительных учреждений (госпитали, богадельни, странноприимные дома). Эти и иные мероприятия государства были направлены на ускорение социально-экономического развития.

Однако постепенное истощение феодальным строем своего потенциала вело к нарастанию кризиса. Возрастание налогового бремени на податные сословия вызывали их возмущение. Рост налогов и усиление крепостного строя вызывали массовые волнения крестьян и горожан в 1648 и 1662 гг. в Москве, в 1648–1650 гг. в Новгороде и Пскове, массовое и широкое восстание С.Т. Разина в 1670–1671 гг.

Экономика страны сильно зависела от импорта. Вывозили за границу лишь сырье, причем своих грузовых судов большого водоизмещения не хватало, да и имелся лишь один порт в Архангельске. Россия была отрезана от Балтийского и Черного морей. Попытки выйти на их берега при Иване Грозном и Крымских походов оказались неудачными. Русская армия не могла вернуть земли, захваченные поляками и шведами, она терпела поражения и от войск Речи Посполитой, и даже от крымско-татарских отрядов. Русь оставалась слабой окраинной периферией Европы. Показательно, что Русское государство до 1704 г. выплачивало дань крымскому хану, который сам являлся вассалом османского султана.

Но кризис был вызван не только материальными причинами. Русское государство оказалось отрезанным от бурно развивавшегося европейского мира, его культуры, науки и экономики.

Митрополит Киевский Петр Могила (1596–1647) заботился о возрождении церковного образования и книжности. Но Катехизис, «Православное исповедание кафолической и апостольской Церкви Восточной», он был вынужден написать в 1640 г. на латинском языке с использованием катехизисов католической церкви. В то же время ослабли и связи с православным Востоком, где после падения Византийской империи в 1453 г. христианские церкви боролись за выживание, не развивался потенциал православной культуры, более того, «вера у греков пошатнулась» вследствие заключения союза с католиками (уния) на Ферраро-Флорентийском соборе в 1439 г. Уния, на которую вынужденно пошла Византия, привела к активному взаимодействию с Западом, но также побудила Русь к необходимости искать ответы на его вызовы.

Внутри страны авторитет государства и царской власти был сильно ослаблен борьбой в царской семье между группировками Милославских и Нарышкиных, а также церковным расколом, возникшим вследствие мер патриарха Никона по исправлению церковных книг и обрядов, поддержанных царем. Но действия раскольников (сторонников верности «старым», как они считали, церковным обрядам) пошатнули монопольное положение правящей православной церкви в духовной жизни русского общества. За старину были низший клир и часть народных масс, за реформы Никона – высшая церковная иерархия, по сути, отвергавшая старый уклад русской жизни и предлагавшая по выражению прот. Павла Хондзинского «выход из замкнутости культа к открытости культуры».

Смута начала века настолько сильно потрясла русское общество и государство, что оказывалось невозможным вернуться к первоначальному состоянию. И хотя в политическом плане поляки были изгнаны, польское влияние в культуре оказалось сильным на протяжении всего века. Такого рода вестернизация проявлялось как в богословии через книжников Киево-Могилянской академии, так и в бытовой культуре (польская мода, мебель в польском стиле, вплоть до обыкновения писать русские слова латинскими буквами).

Все это можно назвать проявлениями *кризиса системы*, из которого видны были два выхода: дальнейшая стагнация, хаос и распад государства на отдельные части или проведение коренных реформ, замена старой общественной системы на новую.

Сознание неблагополучия в стране, усиление внешнего давления с Юга и Запада, побуждали власть к действиям, которые, однако, не выходили за рамки существовавшей системы. Налоговые и административные реформы (введение подворного обложения в 1679 г., уничтожение местничества в 1682 г., дальнейшая централизация аппарата управления) или создание первого высшего общеобразовательного учебного заведения в 1680 г. Славяно-греко-латинской академии не могли ликвидировать нараставшее отставание России от передовых стран.

Дальше в осмыслении задач развития России пошел князь В.В. Голицын (1643–1714 гг.). Видный государственный деятель и «ближний друг» царевны Софьи Алексеевны был по духу европейцем. Его план «о поправлении всех дел, яже надлежит обще народу» основывался на опыте западноевропейских держав, прежде всего Англии, Голландии и Франции. Принципиальное отличие голицынского плана от намерений его предшественников состояло в том, что предлагались уже не отдельные *реформы внутри системы*, а *реформа самой системы*.

Насколько известно, Голицын предлагал начать с освобождения крестьян от крепостной зависимости, предоставив им обрабатываемые ими участки земли. На дворянах оставалась обязательная и наследственная военная служба. Предполагалось ввести широкие начала просвещения, в том числе регулярное направление дворянства за границу для обучения военному делу и наукам. Намечалась административная и экономическая реформы, создание обстановки веротерпимости, открытие границ страны, проведение перемен в судопроизводстве. Все это должно было привести к изменению социального строя и духовной жизни общества, т. е. поднять его на качественно новый уровень, сопоставимый с уровнем Англии и Франции.

Реально же реформатор успел немного. Отменено местничество, выросла торговля, развивались ремесла, был наведен некоторый порядок в отправлении правосудия, появилось обучение наукам и иностранным языкам; в деревянной Москве за семь лет было построено более трех тысяч каменных домов; в страну приехало несколько тысяч иностранных офицеров, солдат, мастеровых, врачей. Появились богатые торговцы и заводчики, рос мелкотоварный уклад. Но некоторые уступки горожанам и крестьянам вызвали сильное недовольство дворянства, что привело к устранению царевны и ее фаворита от власти.

«Сознание экономической несостоятельности, ведшее необходимо к повороту в истории, – писал С.М. Соловьев, – было тесно соединено с сознанием нравственной несостоятельности. Русский народ не мог оставаться в китайском созерцании собственных совершенств, в китайской уверенности, что он выше всех народов на свете, уже по самому географическому положению своей страны: океаны не отделяли его от западных европейских народов». Более того, «стало очевидно, что во сколько восточные соседи слабее России, во столько западные сильнее». Обозначенный историком психологический фактор имел и другую сторону. Когда Борис Годунов предложил призвать из-за границы учителей, то консервативное духовенство возразило, что это «нельзя, опасно для веры»; когда же иностранцы приезжали на Русь, то их селили в специальных поселениях, отдельно от местных жителей (Немецкая слобода в Москве). Таким образом, к концу XVII в. была осознана объективная потребность в преобразованиях, были проведены некоторые частичные реформы, но в правящих и господствующих слоях общества сохранялось относительное равновесие между сторонниками и противниками коренных перемен.

В 1700 г. (по современным оценкам) уровень экономического развития России приближался к европейским показателям: Голландия: численность населения – 1,9 млн чел., объем ВВП на душу населения – 2105 долларов; Англия: 8,6 и 1513; Швеция: 1,3 и 1340; Россия: 15 и 750; Османская империя: 14,1 и 700.

«Продолжительный застой, отсталость, – писал С.М. Соловьев о том времени, – не могли дать русскому человеку силы, способности спокойно и твердо встретиться с цивилизацией и овладеть ею; застой, отсталость условливали духовную слабость, которая обнаруживалась в двух видах: или человек со страшным упорством отвращал взоры от чужого, нового... или вполне подчинялся чужому, новому...» Однако, «общество, видимо, тронулось; начались колебания, тряска, которые не позволяли пребывать в покое. Тяжелое чувство собственных недостатков, сознание, что отстали, что у других лучше и надобно перенимать это лучшее, учиться, не покидали лучших русских людей...». То было начало переходного времени. Основное значение допетровской эпохи состояло в том, что возникли понимание несовершенства тогдашнего уклада жизни и готовность выйти из изоляции, начать перемену русской жизни по образцу и подобию Европы, а главное – началась постепенная замена отдельных элементов старой жизни новыми.

Реформы царя Петра: цели и результаты

Петр I приступил сразу ко *второму этапу реформ*, ибо первый был уже пройден. Военная слабость государства и экономическая отсталость страны побудили его к проведению отдельных преобразований качественного характера в сферах военной, экономической и образовательной. Обращает на себя внимание бешено-неукротимая энергия государя, яростно стремившегося преодолеть все препятствия и достичь видимых ему целей. Круто и решительно началось проведение *реформ внутри системы*. Это отвечало созревшим нуждам страны, но лишь отчасти.

Видимые успехи царя очевидны: 1. Созданы современная армия и флот, в которых офицеры и солдаты являются профессионалами, имеющими знания и опыт для ведения боевых действий. Рекрутская система пополнения армии просуществовала более полутора столетий. Появились специальные военные учебные заведения (Навигацкая, Инженерная, Артиллерийская школы, Морская академия и др.). Создана отечественная военная промышленность на высоком мировом уровне. Сама по себе военная победа над сильной мировой державой Швецией в ходе Северной войны 1703–1710 гг. была результатом преобразований Петра, показателем возросшей силы государства.

2. В национальном хозяйстве появились современные отрасли промышленности, достигшие европейского уровня: металлургия, сукноделие, кораблестроение и др. Большое развитие получило горное дело. Всего было создано больше 200 мануфактур и горных предприятий. Было развернуто строительство каналов. Введен покровительственный тариф, ограждавший новые отрасли отечественной промышленности от иностранной конкуренции. По производству чугуна и железа Россия вышла на первое место в мире и вывозила металл на Запад.

В то же время царская власть, с одной стороны, раздавала льготы и привилегии русским мануфактуристам и торговцам, а с другой – ужесточала фискальную политику (немало «прибыльчиков» специально занимались придумыванием новых налогов, которых стало так много, что не все поддавались учету). Иначе говоря, «народнохозяйственная реформа превратилась в финансовую, и успех, ею достигнутый, был собственно финансовый, а не народнохозяйственный». Крепло Российское государство, но не российский капитал.

Уральская металлургическая промышленность, этот «исторический уникум», по выражению А. Спундэ, сочетала новые производительные силы со старыми общественными отношениями: на рудниках и заводах преимущественно использовался труд крепостных, которых приписывали к заводам. Это прямо сдерживало формирование рынка рабочей силы. «Промышленность на Западе толкала феодализм к могиле. Крепостная промышленность Петра усиливала его, – делает вывод А. Спундэ, заключая: – Зародышу будущего Петр придает реакционную феодальную форму». Решающая роль государства, а не частной инициативы вела русских промышленников к постоянной оглядке на государство и надежде на помощь государства, следствием этого стало возникновение монополий, отсутствие конкуренции, и все это сдерживало свободное развитие национальной промышленности. В 1724 г. была введена подушная подать (не взимаемая с дворянства и духовенства) и сумма налогов выросла в 2 раза.

3. На основе Руси, Московского царства была создана Российская империя. Само принятие наименования *империя* подразумевало не только величину ее территории, но также выход за пределы национального государства, разнообразие населявших ее народов и новую роль в мировой системе, которую осознало Российское государство. *Российское* стало синонимом понятия *имперское* и относилось более к сфере государственности, в то время как *русское* – к сфере культуры, духовной жизни и быта.

Была проведена административная перестройка всего государства в соответствии с европейскими нормами, как на уровне центрального аппарата, так и местной власти: создание

Сената в 1711 г., коллегий в 1717 г., Святейшего Синода в 1721 г.; губернские реформы 1708–1710 гг. привели к разделению страны на 8 губерний; в 1722 г. был принят Табель о рангах, ослабивший сословный строй общества. Но в те же годы были созданы Тайная канцелярия, институт тайных доносчиков (фискалов), получавших долю доходов от разоблаченного (подлинного или мнимого) преступника, что явно сдерживало создание правового государства.

4. В церковной жизни, в сфере управления вместо реформ происходила вестернизация, т. е. вытеснение старого новым, национального – западным. Уничтожение патриаршества и создание в 1721 г. «коллегиального управления» Церковью – Святейшего Синода, вопреки православным канонам, означали не просто усиление контроля государства над церковными делами. Петр целенаправленно использовал Церковь для усиления контроля государства над народом, заодно умаляя авторитет Церкви путем проведения явно антицерковных мероприятий (от гонений на монастыри и монашество до создания пародийного «Всешутейшего собора»). Этот открытый разрыв с традицией, с важной частью цивилизационного наследия, и породил в народе, прежде всего у «старообрядцев», представление о Петре как антихристе, вызывал неприятие благих намерений и действий власти.

В своем создании современного государства Петр пошел на издание указа о веротерпимости, разрешение иностранцам свободного совершения богослужения, строительство католических храмов и школ в России. Петр лично был религиозным человеком, говорил, что «кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, либо с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен». Сочетание старого и нового принимало подчас причудливые формы.

Показательно, что митрополит Стефан (Яворский, 1658–1722) отправляет еретиков на сожжение и переписывается с немецким философом-идеалистом Г. Лейбницем. Однако написанную митрополитом книгу «Камень веры», содержащую обличения лютеранской и кальвинистской ереси, Петр не разрешил издавать. В ту эпоху русская богословская мысль, проложившая путь русской философии, опиралась и на греческое богословие ради сохранения самоидентичности России, и вступала в контакт с западным – ради «разрешения новых, поставленных Новым временем проблем».

5. В сфере культуры российское общество открылось западноевропейской культуре, но – не по своей воле. У части общества – дворянских верхов – произошло вытеснение старых бытовых, социальных, культурных ценностей новыми, что еще более отчуждало их от масс народа.

Народ – крестьян, духовенство и купцов – не тронули, а служилый слой дворянства царь перелицевал на иноземный фасон. Например, по высочайшему указу 1701 г. мужчинам надлежало носить верхнее платье французского и саксонского фасона, а исподнее – немецкого; женщинам – шапки, юбки и башмаки – также немецкого. Бородачей и носителей ставшего нелегальным привычного костюма штрафовали, а самое платье резали и брали. Купцам за торг русским платьем – кнут, конфискация и каторга. Дворян, явившихся на государев смотр с невыбритыми усами и бородой, нещадно били батогами.

Но в то же время, как бы то ни было, произошел качественный скачок в развитии отечественного образования и профессиональной подготовки: были созданы десятки общеобразовательных и профессиональных школ и училищ. Начала развиваться наука: в 1724 г. создана Петербургская академия наук, в 1725 г. – академический университет в Петербурге, позднее, в 1755 г., – Московский университет. С 1702 г. в России начала выходить первая газета. При личном участии Петра был выработан новый, гражданский алфавит. С 1700 г. введена европейская система летоисчисления. Русская литература и изобразительное искусство получили возможность развиваться не только в традиционных, но и в современных (западных) формах.

6. В сфере внешних отношений уже не Русь, а Россия прочно встала в ряд ведущих европейских держав, включившись в качестве активного субъекта в системы мировой политики и мирового хозяйства. Петр разорвал путы изоляционизма, заставив европейские державы при-

знать Россию в новом имперском качестве, нравится это европейцам или нет. Правда, проблемы нового статуса России и новой безопасности государства Петр решал преимущественно путем силы. Так были присоединены Лифляндия и Эстляндия, никогда не бывшие в составе России, в Швеции и Польше Россия жестко преследовала свои интересы. Иначе быть не могло. Россия по своему местоположению в Европе и Азии, по своим размерам, по восприимчивости своей культуры и сложной многонациональности населения была обречена быть империей.

Заметим, что сам царь-реформатор решал вполне конкретные задачи. Г.В. Плеханов отмечал, что «люди делают свою историю вовсе не затем, чтобы шествовать по заранее начертанному пути прогресса, и не потому, что должны повиноваться законам какой-то отвлеченной... эволюции. Они делают ее, стремясь удовлетворить свои нужды...». Так Петр начал модернизацию и вестернизацию России, исходя не только из своего видения нужд и задач государства, но и из своего крайне упрощенного понимания законов общественного развития. Он видел в Западной Европе, говоря словами В.О. Ключевского, «магазин надобных России изделий», а первой целью преобразований считал «выучиться самим делать, что прежде покупали». В то же время реформы Петра соответствовали насущным нуждам государства и народа, а образ царя-реформатора воспринимался в народе и обществе возвышенно и недостижимо.

Се образ изваян премудрого Героя,
Что, ради подданных, лишил себя покоя,
Последний принял чин и царствуя служил,
Свои законы сам примером утвердил.
Рождены к скипетру, простер в работу руки,
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки.
Когда он строил град, сносил труды в войнах,
В землях далеких был и странствовал в морях,
Художников собирал и обучал Солдатов,
Домашних побеждал и внешних сопостатов;
И, словом, се есть Петр, отечества отец;
Земное божество Россия почитает,
И столько олтарей пред зраком сим пылает,
Коль много есть ему обязанных сердец.

*(М.В. Ломоносов. Похвальные надписи к статуе Петра Великого.
1747 г.)*

Петр вовсе не был западником в последующем понимании этого слова. По изустному преданию он как-то сказал: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». Таким образом, сближение с Европой было в глазах Петра только средством для достижения цели, а не самой целью, заключал В.О. Ключевский.

Однако он не сумел осознать недостаточности заимствования на Западе лишь материальных достижений капиталистического хозяйства для ускорения развития страны без изменения крепостного строя – в отличие от князя В.В. Голицына. Напротив, Петр своими частичными реформами *значительно укрепил не только самодержавную власть государя, но и основы крепостного строя*, ставшие путями для социально-экономического развития по капиталистическому пути. К концу правления Петра его основные цели были достигнуты, но его *реформы внутри системы* не переросли в *реформу системы*, а, напротив, усиливали самодовлеющую роль государства и потенциальную конфликтность в обществе.

Итак, великий государственный деятель, дипломат и полководец... Но стоит отметить, что личность реформатора сильно сказалась на методах проведения преобразований, оказавшихся вполне революционными, т. е. отрицающими традицию. «Отчуждение царя от собственной страны произошло как бы само собой, – отмечал Е.В. Анисимов. – Петр не усвоил той системы ценностей, которые были присущи русской традиционной культуре, основанной на православии, «книжной премудрости», уважении заветов предков, сознании особой стати, богоизбранности России, чья столица – третий Рим, а четвертому не быть». Петр не просто выучил голландский и немецкий языки, он принял отчасти мировосприятие протестантских стран тогдашней Европы, в систему ценностей которых входили индивидуализм, прагматизм и рационализм.

Петр не получил традиционного православного образования, да и знания, обретенные им в Немецкой слободе, оказались отрывочными, случайными. Царь до конца жизни остался малограмотным самоучкой, не знавшим элементарных правил грамматики.

Точно так же миф о демократичности Петра отвергается фактами явного самовластья царя. Да, он был и плотник, и кузнец, работая до мозолей на руках, мог выпить в кабаке с простым мужиком. Но для него рабами были все, и он фельдмаршала и князя мог избить, послать на земляные работы, а простого солдата возвысить до высокой должности – но не по закону, а по своей царской воле абсолютного самодержца. Правда, в этом отношении он был частью своего народа, ибо и царь и народ хотели *не свободы*: народ желал *воли*, а царь – *самовластья*. В народных низах намерения Петра не были понятны. Привычка к бедности и возможность ухода (в казацкую вольницу на Дон или в Сибирь) при сохранении постоянно невысокого уровня жизни не могли побудить народные массы поддержать преобразования власти. Их терпели.

Стоимость реформ Петра для страны и народа оказалась явно чрезмерной. Стремительный рост расходов государства на содержание чиновничества, армии и флота потребовали увеличения налогов. В 1701 г. власть повысила налоги с податного крестьянского сословия вдвое, в 1705 г. были введены чрезвычайные налоги и введена государственная монополия на продажу соли. Строительство Санкт-Петербурга привело к росту налогов в четыре раза.

Петр исходил из своего узко понимаемого развития страны, а поэтому установил жесткую регламентацию в торговле и предпринимательстве, поощрял нескольких производителей и тем самым губил на корню всякую конкуренцию. Зачем было заменять старый торговый порт Архангельск на новый Санкт-Петербург? В новый порт не было сухопутных дорог, а на Балтийском море торговым судам грозили шведские каперы, но Петр в 1713 г. запретил возить в Архангельск два основных экспортных товара – пеньку и юфть. Их везли в новый город Петра, и там они благополучно гнили под открытым небом. Наконец, налоговый пресс давил на купечество постоянно, не только препятствуя расширенному воспроизводству капитала, но нередко приводил к разорению. За Петровскую эпоху численность купеческих династий сократилась, это видно по его элите – гостиной сотне, численность которой упала с 226 человек в 1700 г. до 104 в 1715 г.

Вся огромная мощь государства обрушилась на русскую деревню, истощив ее материально и физически, подавив духовно. Реформы привели к разорению крестьянских масс, падению численности населения, восстаниям и мятежам от Карелии до Азова. В 1722–1724 гг. неурожаи привели к массовому голоду. Поэтому после кончины Петра подушная подать была сокращена наполовину, соляная монополия ликвидирована и цена на соль снижена; расходы на бюрократический аппарат и флот сокращены, и в 1727–1730 гг. не было заложено ни одного линейного корабля.

Реформы Петра были явно *преобразующие*, фактически революционные по характеру, порывающие со многими традиционными ценностями, идеалами, понятиями, ценностями, обычаями и нормами. Чего стоит одно перенесение столицы из центра страны на далекую

окраину, причем новый город – с нерусским названием – был обречен регулярно подвергаться опустошительным наводнениям.

Насильственная вестернизация в бытовой культуре дворянства (насаждение брадобрития, курения, иноземной одежды, даже употребления новой еды и напитков) расколола русский народ на собственно *народ*, мужиков, сохранивших традиционный уклад жизни и традиционное мировоззрение, и на европеизированное дворянское *общество*. Такой раскол русского народа по вертикали, привел к более или менее явно выраженному отчуждению узкого слоя образованного дворянства (1–2 %) от широких народных масс. *А нарушение органической целостности общества естественно ослабляет его*, уменьшает возможности для более эффективной и скорой его трансформации в новое качество.

Была ли в то время альтернатива преобразованиям Петра? Теоретически да. В феврале 1724 г. Посошков подал на имя царя свое сочинение под названием «Книга о скудости и богатстве». Иван Тихонович Посошков (1652–1726), оригинальный русский мыслитель, рассмотрел основные части русской хозяйственной жизни и предложил их поправление, но не путем подражания европейской Реформации, а в пределах православного миропонимания. Дошло ли сочинение до царя, неизвестно, только автор в августе 1725 г. был арестован, помещен в Петропавловскую крепость, где и скончался 1 февраля 1726 г.

Справедливости ради скажем, что в то же время реформы Петра были по своему характеру *своевременными*, отвечавшими потребностям государства и общества. Но главное все же состояло в том, что преобразования Петра ограничивались рамками *реформы внутри системы* и не переросли в *реформу системы, в революцию сверху*. Этого не произошло не из-за западной кончины царя, а просто потому, что он сам большего не желал и большего не представлял. Петр жил и действовал, чувствовал и мыслил как феодальный правитель; но он оказался больше революционером-разрушителем, чем реформатором-созидателем. Вот почему реформы Петра столько же ускорили развитие России, сколько и затормозили его.

В то же время стоит заметить, что русское общество той эпохи оставалось пассивно; оно не сумело выработать свои формы организации, способы выражения своих интересов. Показательно в этом отношении неудача городской реформы, начатой в 1699 г. и тихо сошедшей на нет. Общество во всех своих сословиях еще не полностью выросло из состояния средневековой дикости и произвола, оно являло подчас полярное сочетание грубости и жестокости с тонкостью чувств и глубиной ума, европейских познаний и умений с ухватками темного мужика, уважением силы, а не закона. Тем более такие западные ценности, как права личности и права частной собственности, основанные на идеологии протестантизма, чуждой православному народу, не могли быть просто заимствованы. Русскому обществу предстояло самому прийти до признания их ценности и важности, но исходя из позиций православного мировоззрения.

Таким образом, при наличии сходных с западными странами предпосылок (развитие торговли и мануфактур, рост городов, развитие системы образования), при очевидности той же цели – современного, капиталистического общества, России до этого было далеко. Почему?

Помешала авторитарная форма власти? Нет. Сильная власть, способная определять цели развития страны и направлять имеющиеся ресурсы для их достижения, необходима для выхода из кризиса национального масштаба и проведения реформ. В пространстве России такая власть была жизненно необходима.

Представляется, что важнейшей причиной оказалось богатство страны, неисчерпаемость ее природных и человеческих ресурсов, что резко сокращало значимость фактора экономического кризиса. Другая причина – особая роль государства, издавна более значимая, чем на Западе. Если на Западе монархической власти противостояли то городские бюргеры, то аристократия, то народные массы, в России все и вся находилось под властью короны. Именно при Петре у нас образовалось тоталитарное государство, беспощадное в своем рвении к *прогрессу*

и чуждое как интересам различных слоев русского общества, так и духовному миру отдельного человека, его желаниям и стремлениям.

Справедливости ради отметим, что еще отец Петра требовал от своих воевод следить за тем, чтобы воины в походах исповедовались; он же запрещал ряд обычаев и увеселений, например, за игру на гусях или домре, за качание на качелях или игру в шахматы били батогами. Но и Петр полагал, что «наш народ яко дети, неучения ради которые за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают». Как отмечал А.С. Пушкин, «история представляет около его всеобщее рабство... все состояния, окованные без разбора, были равны пред его *дубинкою*. Все дрожало, все безмолвно повиновалось». При нем подданные должны были руководствоваться предписаниями власти при строительстве изб, при кладке печей, при посещении церкви, при похоронах и т. д. Позднее продолжателями такого рода жесткой и мелочной регламентации частной жизни своих подданных были Павел I и Александр I. Только полтора столетия спустя после реформ Петра государство снимает свою опеку над обществом, и понадобилось полтора столетия для того, чтобы борода и народные пляски вернулись к дворянам.

Сыграл свою роль и внешний фактор. К началу XVIII в. передовые страны Запада обладали более длительным опытом исторического развития, чем Россия; внутренние условия побуждали Англию, Голландию и Францию к большей активности на внешних рынках для сбыта своих товаров. Россия была включена в систему мирового хозяйства, но оказалась на его периферии и превратилась в важную мировую «житницу» и поставщика сырья. Стоит обратить внимание на эту двоякую роль Запада в общественном развитии России: западный капитал и внешняя торговля с Европой усиливали экономический *рост*, но замедляли экономическое *развитие* России.

Лишенное внутренней динамики, относительно окрепшее и развившееся, но сохранившее покорность и принятие самодержавной власти, русское общество при Петре I остановилось собственно на пороге коренных реформ. Переступить его преемники Петра не смогли.

Более того, с начала царствования внука Петра I, государя Петра II (1715–1730 гг., император с 1727 г.), намечается «поворот к старине». В феврале 1728 г. императорский двор и государственные учреждения переезжают в Москву. Строительные работы в Петербурге были остановлены, его жители стали покидать новую столицу. Готовилось восстановление патриаршества...

Но такой очевидный *откат к старине* был прерван скоропостижной смертью молодого царя. В правящей группе вновь взяли верх сторонники европейской модели развития.

Императрица Екатерина Великая: победы и проблемы

Ступив на путь капиталистических преобразований, Россия оставалась во многом средневековой страной. Например, по лесам и дорогам нередко встречались шайки разбойников из крестьян, предводительствуемые своим помещиком. И Екатерина II (1729–1796 гг., правила с 1762 г.), по выражению В.О. Ключевского, «спешила заштопать наиболее резкие прорехи управления». Характер ее царствования во многом повторял царствование высоко почитаемого ею Петра: фрагментарные реформы, усиление армии и государства, поощрение развития образования и искусства – при фактическом игнорировании ключевого вопроса – о крепостном строе. Более того, в царствование матушки-царицы происходили и попятные движения в социальной жизни.

Так, в Петровскую эпоху был дан сильный толчок для развития русского третьего сословия: купцов, фабрикантов, горнозаводчиков. Сознавая их важность, Петр I поощрял деятельность своих и иностранных предпринимателей и даже обращение нового дворянства к предпринимательству. Например, А.Д. Меншиков был военным деятелем, царедворцем и землевладельцем, откупщиком, промышленником; П.И. Шувалов – чиновником, но и землевладельцем и промышленником. Подобный процесс шел в Англии столетием раньше и в какой-то мере облегчил и ускорил рождение нового капиталистического уклада. Но в России неисчерпанность потенциала дворянства и его значение в качестве главной опоры самодержавной монархии не смягчали, а, напротив, усиливали сословно-классовые различия.

Екатерининский указ о вольности дворянской (первоначально принятый Петром III 17 января 1762 г.) закреплял особое положение этого сословия в обществе. Освобождение дворян от обязательной службы породило, по выражению В.О. Ключевского, «дворянское безделье» и не просто подражание, но поклонение «передовой Европе», центром которой в то время виделась Франция, даже в мелочах. Но по намерениям воспитанного в европейской традиции Петра III (1728–1762 гг.) освобождение российского дворянства было актом положительным. Этот злополучный внук великого деда успел еще уничтожить Тайную канцелярию, что опять-таки соответствовал европейским меркам современного государства. Но все же внутри правящего слоя не существовало ясного понимания, что именно необходимо для развития страны и общества. Например, при Екатерине II дворянам запрещалось заниматься торговлей. Купцы же, выслужив дворянство, нередко отходили от дел, «несовместных» с новым высоким званием.

Влияние *внешнего фактора* – французской революции – было весьма сильным в те годы. В.О. Ключевский, отметив «многостороннее значение революции для нашей истории», подчеркивает важный момент: «Прилежные ученики французской философии до 1789 г., мы потом были более 30 лет неутомимыми борцами против ее крестной дочери – Французской революции со всеми ее следствиями». Невольным следствием революции стала настороженность к любым важным переменам, ибо если во Франции решение аграрной проблемы привело к падению монархии, то тем более это казалось возможным в России.

Отражением отношения власти и дворянского общества к возможности *коренных реформ* стала борьба вокруг «Наказа» Екатерины II, своеобразной *программы реформ*. В ходе этого противоборства реформаторов и охранителей прямо заимствованные императрицей у европейских мыслителей Ш. Монтескье и Ч. Беккариа идеи о разделении властей, отделении Церкви от государства, равенстве сословий и иные того же рода были подвергнуты сомнению или отвергнуты. Видимо, для императрицы была очевидной необходимостью предоставления личной свободы миллионам помещичьих крестьян, но она должна была считаться с уровнем тогдашнего общества. В одном из своих писем Екатерина II писала: «Г-н Дидро, я с величайшим удовольствием выслушала все, что вам внушило ваше блестящее воображение; с помо-

щью ваших великих принципов, которые я очень хорошо понимаю, можно писать прекрасные книги, но очень плохо вести дело... Вы работаете только на бумаге, которая выносит все; она не ставит препятствий ни вашему воображению, ни вашему уму, но я, как императрица, работаю на человеческой коже, которая более раздражительна и разборчива». Попробуй «самовластная царица» покуситься на крепостное право, и она была бы сметена возмущенным дворянством. Слова о «воле» крепостных императрица вычеркнула из черновика своего достославного «Наказа», но из чувства гуманности приняла меры к ограничению продажи «людей» поодиночке, без земли, и уничтожила звание «раба». Исключены были статьи об освобождении крестьян в случае жестокости их помещиков, об отделении законодательной власти от судебной. Так, серьезные намерения о проведении *революции сверху* остались лишь в черновиках, реальностью оставалась *реформа внутри системы*.

И продолжением петровской преобразований стали вестернизации культуры и все большая ее секуляризация. Происходило дальнейшее развитие русской литературы, театра, архитектуры, просвещения; совершенствование государственного и административного аппарата: Губернская реформа 1775 г. значительно укрепила государственную власть на местах, действия по ослаблению Церкви как самостоятельной силы в общественной жизни страны.

Этим объясняется нежелание государства дать духовенству права самостоятельного сословия в рамках нового Уложения (общего свода законов взамен устаревшего Уложения 1649 г.), что способствовало бы материальному обеспечению священства. Была проведена радикальная секуляризация церковного имущества. Поначалу, вступив на престол, Екатерина II отменила указ о секуляризации, принятый еще Петром III, стремясь заручиться поддержкой духовенства. Убедившись в поддержке дворян, она восстановила указ покойного супруга. 28 февраля 1764 г. был опубликован высочайший манифест о переходе церковных имений в собственность государства, в результате из 732 мужских монастырей был оставлен 161, из 222 женских – всего 39. Тем самым Русская церковь была окончательно поставлена под контроль государства. В то же время положение бывших монастырских крестьян улучшилось: барщина была заменена оброком, часть монастырских земель была передана в их собственность.

По воле императрицы в 1767 г. в Комиссию по составлению нового Уложения были избраны от всех сословий 652 депутата, привезшие указы от своих избирателей. Екатерина хотела слышать откровенные голоса, познакомиться с «умоначертанием народным», но то, что она услышала, оказалось неожиданным. Дворяне в массе своей ратовали за сохранение закрытости своего сословия, купцы – права устраивать фабрики и законы, но все сошлись по двум пунктам: плохое судопроизводство и владение крестьянами, чего желали и дворяне, и купцы, и казаки. Комиссия была «временно распущена» в декабре 1768 г., но больше не собиралась. Она выполнила свою задачу. Революционный дух европейского Просвещения, воодушевлявший императрицу, уступил место имперскому духу деспотизма.

Почитательница французских энциклопедистов оставалась на троне подлинно самодержавной царицей, не готовой к изменениям в политической системе государства. Показательно, что в период обсуждения «Наказа» Александр Ильич Бибииков, избранный маршалом (председателем) Комиссии по составлению Уложения, в ответ на вопрос одного депутата, будет ли императрица вновь собирать депутатов для обсуждения новых законов или будет издавать их сама, отвечал утвердительно, что если императрица будет довольна их трудами, то и впоследствии «уже не приступит к какой-либо важной мере... на собравши снова депутатов». Оба не знали, что рядом за ширмами стола Екатерина, которая со следующего дня стала холодна к Бибиикову. Кстати, тот же свободомыслящий Бибииков был против получения дворянства чиновниками по выслуге лет, считая необходимым сохранить замкнутость первого благородного сословия.

В 1785 г. последовала Жалованная грамота дворянству, дававшая монопольное право на владение крестьянами, землями и недрами, освобождение от налогов и телесных наказаний,

право на устройство корпоративных губернских и уездных собраний. Тогда же опубликована Жалованная грамота городам Российской империи, регламентировавшая состав городского населения и дававшее право раз в три года собираться на Общую городскую думу, избравшую городского голову и шесть гласных (депутатов). Крупное купечество было освобождено от подушной подати и рекрутской повинности. Но эти уступки не нарушали господствующего положения первого сословия, «благородного дворянства». Слабость нарождающейся русской буржуазии и крестьянства побудили Екатерину оставаться «дворянской царицей»: она отказалась от намерения дать Жалованную грамоту государственным (незакрепощенным) крестьянам.

Между тем, хотя крестьянство в массе своей терпеливо несло свою долю, оно использовало любую возможность для того, чтобы от нее избавиться. Петр I дозволил крепостным записываться в армию, и они хлынули туда, да так, что сразу после смерти царя указ этот отменили. При Екатерине II с появлением слухов, что господских крестьян отберут в казну, как отобрали церковных (секуляризация монастырских земель), крепостные целыми селами подавали императрице прошения об освобождении от власти помещиков.

Очевидно, что бывшие ранее восстания И. Болотникова и С. Разина были стихийными, воодушевленными лишь мечтой о «воле». В свою очередь авантюрное предприятие Е. Пугачева уже имело некое подобие программы. Оно рухнуло не только от силы царской власти, но и от непосильного величия объективно вставшей перед мятежниками задачи – освобождения крепостных и создания нового строя.

Пугачевщина, крестьянская война в России в 1773–1775 гг. охватила огромную территорию: Западная Сибирь, Урал, Приуралье, Оренбургский край, Среднее и Нижнее Поволжье. В движение было вовлечено около 100 тысяч активных повстанцев – крестьяне, казаки, городские низы, заводские рабочие, не только русские, но и башкиры, калмыки, татары. Они поднялись на борьбу не против монархии, а против помещичьего гнета, непосильных тягот феодального строя. Ставший вождем восстания донской казак Емельян Иванович Пугачев принял имя покойного императора Петра III, что отвечало мировоззрению народных масс, их наивно-монархической мечте о «хорошем, справедливом, мужицком царе», пусть и самозванце. Он создал военную коллегия, которая выполняла функции военного и административно-политического центра восстания; мятежники имели немалую артиллерию и организованное снабжение. В сентябре 1773 г. Пугачев опубликовал манифест о пожаловании казаков, татар и калмыков, присоединившихся к нему, старинными казачьими вольностями и привилегиями. В июле 1774 г. Пугачев обнародовал манифест о повсеместном истреблении дворян, об освобождении крестьян от крепостной неволи и безвозмездной передаче земли народу. Он подлинно пытался реализовать народную мечту о «царстве добра и справедливости»: отменил все денежные подати, рекрутскую повинность, установил вольное пользование пахотными землями, рыбными ловлями, соляными озерами.

Карательные экспедиции правительства во главе с В.А. Каром, А.И. Бибиковым и И.И. Михельсоном по частям громили отряды мятежников. В августе 1774 г. Екатерина II после подписания в июле Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией собрала до 20 пехотных и кавалерийских полков, благодаря чему в сентябре мятежникам было нанесено окончательное поражение. Пугачев был казнен в Москве в январе 1775 г. Стихийное выступление необразованных масс, несмотря на огромный масштаб, закончилось неудачей, но продемонстрировало как полную устарелость системы крепостного строя, так и невозможность создания революционным путем утопического «мужицкого царства».

Крайне показательно в годы пугачевского предприятия укрепление в народе веры в «хорошего царя» и недоверия, даже вражды к помещику. А.Т. Болотов вспоминал то время, когда «мысли о Пугачеве не выходили у всех у нас из головы и мы все удостоверены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги когда не въявь, так втайне

сердцами своими были злодею сему преданы, и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей взгоревшейся искре произвести огонь и полымя... Глупость и крайнее безрассудство нашего подлого народа была нам слишком известна, и как при таких обстоятельствах не могли мы на верность и самих наших слуг полагаться, а паче всех их и не без основания почитали еще первыми и злейшими нашими врагами...».

Стоит заметить, что Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) был из небольшого числа русских дворян, вкусивших плодов европейского Просвещения. Он издавал первый в России агрономический журнал «Сельский житель», в своем хозяйстве соединял опыт европейской агрономической науки и свой практический опыт, собрал обширную библиотеку, был одним из деятельных членов Вольного экономического общества, почетным членом Саксонского королевского общества, входил в круг Н.И. Новикова, М.М. Хераскова, Н.М. Карамзина, И.П. Щербатова и других просвещенных и гуманных русских дворян. Но и он, будучи свидетелем казни Пугачева, называет это «истинным торжеством дворян над сим общим им врагом и злодеем».

Опыт пугачевщины побудил императрицу, с одной стороны, укреплять местную административную власть, а с другой – усилить контроль государства для предотвращения крайнего произвола помещиков в отношении крестьян. Самым известным было «дело Салтычихи», помещицы Д.Н. Салтыковой, замучившей насмерть более 100 своих крепостных людей и приговоренной в 1768 г. судом к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Тем самым в сознании народных масс укреплялся идеал самодержавной власти, с одной стороны, а с другой – закреплялось противостояние с первым сословием в государстве.

Рост и развитие екатерининской России

В то же время в экономическом плане екатерининская Россия была достаточно развитой страной по европейским меркам. Имелось немало фабрик и мастерских, в том числе крупных, было отечественное кораблестроение и военное производство, развивалось горное дело. В качестве положительной черты, отличавшей российское хозяйство от западноевропейского, Е.В. Тарле называет отсутствие средневековых цехов в городах и незначительное развитие монополий, в том числе особое привилегированное положение отдельных городов.

В 1767–1769 гг. в стране насчитывалось 496 мануфактур (суконных, полотняных, шелковых, стекольных и др.) и 159 железодельных и меднолитейных заводов. Быстро развивался Иваново-Вознесенский текстильный район, там из 52 полотняных мануфактур лишь на 5 использовался труд посессионных (крепостных) рабочих, а на 49 – труд наемных рабочих. Высокий уровень промышленности Урала отеснил на второй план старые районы металлургии в Туле, Липецке, Олонце. На Урале 84 железодельных, доменных, молотовых и медеплавильных заводов вырабатывали 90 % выплавки меди и 65 % производства черного металла по всей России. Доменные печи Урала были самыми крупными в мире. Страна вышла на первое место в мире по выплавке чугуна, обогнав Англию, ставшую импортером русского железа.

«Русским удаются фабрики и ремесла, – писал в те годы в «Истории России» Левен. – Они делают тонкие полотна в Архангельске, ярославское столовое белье может сравниться с самыми лучшими в Европе. Стальные тульские изделия, быть может, уступают только английским... Заставьте русского состязаться с иностранцем, и можно биться об заклад, что русский будет работать с меньшим числом инструментов так же хорошо и выработает те же предметы с менее сложными машинами». Рост промышленного производства и возрастание доли наемного труда – явные показатели развития капитализма, но новый строй оказывался в подчиненном положении.

Очевидным показателем успехов национальной экономики являются данные о внешней торговле екатерининской России, которая ввозила в Англию и Францию больше своих товаров, чем вывозила. Так, русский экспорт во Францию в 1782 г. составил 9 721 тысячу ливров, а импорт – 4 802 тысячи, в 1785 г. экспорт – 6 412 тысячи ливров, а импорт – 5 486 тысяч. Из России во Францию в 1785 г. пришло 140 судов общим тоннажем 24 892 т, из Франции в Россию – 74 судна в 14 391 т. По мнению генерального контролера Франции Колонна, такое положение определялось прежде всего ловкой политикой Голландии, захватившей в свои руки выгодную торговлю с Россией, но для нашей темы это неважно.

Впрочем, ничего необычного в приведенных данных нет, ибо Россия вывозила сырье. В структуре экспорта первое места занимали лён, пенька, пакля – от 20 до 40 %, далее шли юфть, лес, канаты, щетина, сало, пушнина. Доля железа в экспорте составляла от 6 % в 1749 г. до 13 % в 1796 г. «В XVIII в. Россия была в Европе страной, откуда едва ли не легче всего было вывозить сырье, ибо почти всюду... вывоз многих сырых продуктов был либо прямо запрещен, либо обложен высоким тарифом», – отмечал Е.В. Тарле. И вот эта ставка на экспорт сырья, несмотря на немалую величину дохода, также оказывалась показателем экстенсивного характера экономического развития, свидетельством господства некапиталистического строя.

К концу екатерининского царствования 29 губерний были устроены по новому образцу, было построено 144 новых города, издано более 200 указов для облегчения положения народа, вчетверо увеличились государственные доходы и количество фабрик, вдвое выросла армия, втрое – количество кораблей флота, были присоединены новые земли с 7 миллионами жителей – все результаты замечательные, но лишь утверждающие общество в его прежнем состоянии. Развитие по-прежнему шло экстенсивным, а не интенсивным путем.

В 1782 г. образована Комиссия об учреждении народных училищ, а в 1786 г. обнародован Устав народных училищ, по которому предусматривалось создание сети средних учебных заведений в губерниях и уездах России. В 1876 г. в стране насчитывалось 165 школ с общим числом учащихся 11 088 (10 230 мальчиков и 858 девочек), в 1796 г. их количество выросло до 316 школ с общим числом учащихся 17 341 (16 220 мальчиков и 1 121 девочка). В дворянской среде получило широкое распространение домашнее обучение с приглашением иностранных, чаще французских, учителей и гувернеров.

«Решительно нет никаких оснований считать, что Россия екатерининского времени в самом деле сколько-нибудь сильно отставала от наиболее передовой в индустриальном отношении страны Европейского континента», – делает вывод Е.В. Тарле. С ним следует согласиться, но с существенной оговоркой: равенство могло быть лишь по формальным показателям – стоимостной объем внешней торговли или объем продукции металлургической промышленности. *Цена достижений и способы этих достижений* этих показателей на Западе и в России были уже различны. Уровень развития сельского хозяйства также был высок, но все же крепостной строй сдерживал развитие русской деревни и главное – препятствовал росту русского города, промышленности и ремесел.

Таким образом, *реформы внутри системы* укрепляли эту отжившую свое феодально-крепостную систему. Однако *кризис системы* нарастал, и очевидным проявлением его стал финансовый кризис.

Победоносные войны Суворова и Ушакова стоили немало, еще Петр в свое время говорил: «Деньги суть артерия войны». Царский двор, административный аппарат, армия и флот перенапрягли денежные ресурсы страны, в то время как главными источниками дохода оставались подушные и таможенные сборы, питейный и соляной налоги. Питейный налог за царствование Екатерины увеличился более чем втрое (в 1763 г. – 4,4 млн рублей, в 1796 г. – около 15 млн рублей), что говорит о распространении народного пьянства, ибо население страны за те же годы выросло менее чем вдвое. Возникший дефицит государственного бюджета покрывался внешними займами и печатанием бумажных ассигнаций, неумеренный выпуск которых привел к их обесценению.

Русский народ и русское общество

Необходимо также сказать и о состоянии общественной мысли в России в ту эпоху, ибо серьезным переменам в государстве или в экономике должны предшествовать перемены в сознании людей.

Человек есть субъект и объект в общественной жизни. Человек сам более или менее активно участвует в ней и одновременно испытывает ее воздействие. Вот почему так важно, как он воспринимает мир и избирает свой образ жизни в мире. Инерция традиционного уклада жизни была сломана в России Петром, но – преимущественно для первого, дворянского сословия. Именно оно открылось новому миру: европейским идеям и европейской культуре.

Русская деревня в Петровскую и послепетровскую эпохи сохраняла верность традиционным устоям. Мужики с удивлением и усмешкой смотрели на господ, которые ходили в чужеземном платье, говорили на чужом языке и тратили время на пустые забавы. Тяжелый каждодневный труд на земле и низкий уровень грамотности не давали крестьянам возможности активно включиться в жизнь общественную. Впрочем, в самодержавном государстве это было непросто и дворянам.

А.С. Пушкин, размышляя о русской истории XVIII в., писал: «Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины мало-помалу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения». Тем не менее, по мысли поэта, «действия правительства были выше собственной его образованности, и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе».

Придя к выводу о невозможности согласования интересов различных сословий в полной мере, а также смягчения крепостнических порядков без риска потерять престол, Екатерина утвердилась в мысли, что основная опора ее власти есть дворянство. И последние 20 лет царствования матушки-царицы стали «золотым веком» вестернизированного русского дворянства. 15 февраля 1786 г. был издан высочайший указ, согласно которому на прошениях, адресованных императрице, следовало подписываться не «раб», а «верноподданный».

Красуйся, счастлива Россия!
Восторгом радостным пылай;
Встречая времена златые,
Главу цветами увенчай;
В порфиру светлу облекися;
Веселья миром умастися.
Да глас твой в песнях возгремит,
Исполнит радостью вселенну:
Тебе свободу драгоценну
Екатерина днесь дарит.
О дар божественныя длани!..

*(М.М. Херасков. Ода на истребление в России звания раба
Екатериною Второю, в 15 день февраля 1786 года)*

Императрица Екатерина оставила размышления о серьезных изменениях в государстве, но планы подобного рода имелись во множестве. Стоит назвать проекты государственной,

военной и экономической реформ близких к трону П.И. Шувалова, Ф. Салтыкова, экономические труды И.Т. Посошкова, планы Н.И. Панина. Правда, все эти проекты оставались достоянием весьма узкого круга лиц, достаточно образованных для их понимания и довольно смелых для их обсуждения.

Стоит заметить, что импульсы к составлению масштабных проектов преобразований в России исходили как извне, так и изнутри. В частности, ощутимо европейское влияние в «конституции Никиты Панина», в которой предлагалось предоставление дворянству избирательных прав для создания верховной и местной власти и постепенное освобождение крестьян и дворовых людей от личной зависимости. То было следствием петровского *переворота в умах*. «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более чем Наполеон», – заметил А.С. Пушкин.

В дворянском, европейски образованном обществе, далеком от трона, также задумывались над состоянием России, и там рождались мнения и заключения противоположные. Так, А.Н. Радищев не удовлетворялся уничтожением звания «раба», он желал большего.

О дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О, вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори.

(А.Н. Радищев. *Вольность*. 1783 г.)

Думается, что А.И. Радищев и Н.М. Карамзин в равной мере уязвлены были «человеческим страданием окрест». Выводы же они делали прямо противоположные. «Страшись помещик жестокосердный», – писал один путешественник, ехавший из новой российской столицы в старую. Другой путешественник, странствуя по Европе и въявь увидя воплощение отвлеченных идей французского Просвещения, писал так: «Народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция – отверстый гроб для добродетели и самого злодейства». Так в русской общественной мысли возникает роковое противостояние идей социального радикализма и позитивного консерватизма. Правда, позднее Радищев изменит свое отношение к французской действительности, но и Карамзин спустя несколько лет напишет: «Французская революция – одно из тех событий, которые определяют судьбы людей на много последующих эпох. Новая эпоха начинается...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.